Through the prism of the lives of normal people in ordinary villages, primarily through the prism of women's lives, which distorted are by historical wars and disasters test their characters, the writer tells us about the history of the country.

Key words: Maria Matios, conceptual reception, women's fate, discrimination, historical aspect, historical cataclysms, a national tragedy.

ОКСАНА ШУКАЙ
г. Киев

ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СОБЫТИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МАРИИ МАТИОС «СЛАДКАЯ ДАРУСЯ»)

В романе «Сладкая Даруся» Мария Матиос интерпретирует ключевые проблемы национальной истории 30–50-х годов XX века. В частности, она сосредотачивает читательское внимание на изображении жизни гуцулов, постоянно подвергающтхся дискриминации со стороны оккупационных режимов румынской, немецкой и советской власти. Писательница пытается проследить, как происходят существенные изменения в психологии человека, в его мировоззрении, в восприятии мира. Сквозь призму жизни обычных селян, прежде всего, – женских судеб, искаженных войнами и историческими катаклизмами, испытывающими их характеры, писательница рассказывает об истории страны.

Ключевые слова: Мария Матиос, концептуальный прием, женская судьба, дискриминация, исторический аспект, исторические катаклизмы, национальная трагедия.

Стаття надійшла до редколегії 05.11.2016

УДК 821.411.16’06.09

ПОЛИНА ШУЛЫК
г. Каменец-Подольский
shulyk.polina@kpnu.edu.ua

ФЕНОМЕН АНДРОГИННОСТИ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье исследуется проблема андрогинности в израильской женской литературе, где изучаемый феномен представлен неоднозначно. В произведениях Йоны Волах и Нурит Зархи андрогинное поведение героинь обусловленно как стремлением к социальной адаптации, так и попыткой осмыслить внутреннее неприятие своего гендерного и даже физиологического определения. Творчество Орли Кастель-Блюм, Друи Шалев, Майи Арад, Савион Либрехт представляет другой канон андрогинности, в котором стремление соответствовать нормативам другого пола приводит к маскулизации / феминизации в обществе. Маскулинное поведение женщин в их жизни – сознательный выбор, который призван изменить низкий статус женщины, заложенный традицией в библейских и талмудических текстах.

Ключевые слова: Библия, женская литература, андрогинность, гендер, социальний статус, модели поведения, социальная адаптация

Слово андрогин, несмотря на его ясные греческие корни: *андр* – «мужчина» и *гине* – «женщина», заключает в себе множество смыслов. Древние греки могли использовать это слово и как синоним к слову гермафродит, и как явление, объясняющее свойственное людям любовное влечение друг к другу. Именно об этом «Пир» Платона, где автор излагает легенду о людях-андрогинах, разделенных обеспокоенным Зевсом на две половины – мужскую и женскую [10]. И хотя сейчас *андрогинность* описывает, скорее, психосоциальные, нежели физиологические или анатомические характеристики, а слово *андрогин* указывает на человека, «который не подходит ни под определение маскулинной,

ни фемининной гендерной роли, сформировавшейся в том обществе, где он находится» [5], явление андрогинности остается предметом критики, споров и причин появления множества концепций, диапазон которых охватывает широкий спектр мнений. Среди них – попытки объяснить с помощью этого явления причины гомосексуальности (Зигмунд Фрейд [14], Карл Юнг, Альфред Кинси [21; 22], Эрих Фромм [15] и др.) и оправдать андрогинное поведение мальчиков и девочек (C. Martin, D. Ruble [22]), обеспокоенность мужчин маскулинной активностью женщин (Роберт Дж. Столлер [12]) и, наконец, революционный вывод о том, что андрогиния обеспечивает большие возможности социальной адаптации (Сандра Бем [19].). Но Сандра Бем, которую считают создателем теории андрогинности, и которая полагает, что даже желательно быть андрогинным, признает, «что концепция андрогинии далека от реального положения дел, так как переход личности к андрогинии требует изменений не личностных особенностей, а структуры общественных институтов. Кроме того, существует опасность утраты того положительного, что несет в себе сглаживание дихотомии мужского – женского» [3, 10].

Какое, казалось бы, дело литературе до этих научных споров, но рефлектирующее сознание литературных героев, чье место обусловлено гендерными стереотипами, пытается эмансипироваться от этой обусловленности и опосредованно проецирует идею единства двух противоположностей мужского и женского в область художественного творчества. И не удивительно, что в маскулинно ориентированном мире эта проблема больше представлена в женской литературе. Израильская литература не исключение, тем более что в еврейской культурной традиции она (проблема) присутствует еще с древнейших времен.

Достаточно вспомнить своеобразную интерпретацию библейского рассказа о сотворении человека, в котором «толкователи различали Адама, созданного из земли (Быт. 2:7), и Адама, сотворенного «по образу и подобию Божьему» (1:27)» [1], что воспринималось как указание на соединение в Адаме Кадмоне мужского и женского начал. Текст позволил феминисткам увидеть в этом указании андрогинность самого Бога [13]. В то же время христианская религиозная традиция больше обращает внимание на вторую главу и все потому, что она дает возможность обосновать догмат о первородном грехе [2, 24; 9].

Разночтения первой и второй глав Ветхого Завета создают основу, скорее, для гендерных построений и переносят проблему андрогинности в область социокультурных практик, что актуально для современности, но не совсем характерно для древних эпох. Гомоэротические отношения библейских героев подтверждают это. Израильский писатель, публицист Михаэль Дорфман в статье «Грубый любовник Израиля», анализируя книгу профессора Чикагской теологической семинарии Теодора Дженнигса «Рана Иакова: гомоэротический нарратив в литературе Древнего Израиля» [4], обращает внимание на то, как автор убедительно, но не бесспорно, описывает треугольник отношений – Давид, Ионатан и Саул.

Но древняя легенда, связанная с проблемами любви и поиска своих половинок, не совсем то, о чем говорит нам современная женская израильская литература. Андрогинность израильских героинь – это не только и часто даже вовсе не лесбийская любовь. Это или андрогинное поведение (женщина берет на себя функции, которые в обществе принято считать мужскими), обусловленное стремлением к социальной адаптации, или попытка осмыслить внутреннее неприятие своего гендерного и даже физиологического определения, как в поэзии Йоны Волах, где постоянным мотивом становится «поиск адекватного своей личности пола». Но в данном случае этот мотив не только свидетельство ориентации культуры модернизма на идеал андрогинного [16, 120], но следствие андрогинного имени поэтессы: Йона.

«Проклятое жуткое имя, – напишет 14-летняя Иона Волах своему собрату по перу, – андрогинное имя» [цит по: 7]. Само ивритское слово *йона* имеет грамматический признак женского рода и считается на иврите словом, относящимся к женскому роду, хотя и обозначает особей как женского, так и мужского пола – голубь, голубка.

В стихотворении Волах «Йонатан» имя Йона превращается в Йонатан –отмежевание от андрогинности в пользу однополости – указание на мужской пол лирического героя, но это имя уводит всех от истины, и читатель вместе с другими героями пытается понять, кто он такой: «*Я бегу по мосту / А ребята за мной / Йонатан / Йонатан они зовут / Чуточку крови / Только чуточку крови / подсластить нам мед / Я согласен на дырку от кнопки / Но ребята хотят / И они дети / А я Йонатан / Они рубят мне голову стеблем / Гладиолуса и подбирают мою голову / Двумя стеблями гладиолуса / и заворачивают / Мою голову в шуршащий целлофан / Йонатан / Йонатан они говорят / Правда прости нас / Мы даже не думали что ты такой*» [цит. по: 7].

В пользу однополости говорит и соотнесенность лирического героя через упоминание меда и смерти с библейским Йонатаном (Млахим I (Книга Царств), 14:43–45). И все же эта однополость не убедительна, потому и возникает вопрос: кто он такой? Йона Волах не дает ответа, но фраза: *«Мы даже не думали что ты такой»* – невольно подсказывает его: он – она (девочка). Четко заявленная в стихотворении оппозиция «они (дети) – я» для самой поэтессы не столь трагична, сколь трагично осознание: основа одиночества ее и ее героя-героини – в невозможности определения адекватного своей личности пола. В жизни попытка понять свою гендерную идентичность приводит Йону Волах к гомо- и к гетеросексуальным отношениям [7], в литературе – к многовекторным оппозициям, где «они» – это кто угодно, а «я» – это или просто «я», или «он», или «она», или «он + она».

В стихотворении «Она – Йосеф» известной израильской писательницы Нурит Зархи присутствуют две оппозиции, определенные уже самим названием произведения. Первая – в сознании героини: это противопоставление ее женской сущности (Я) ее мужскому имени (Йосеф). Вторая – в определении гендерной сущности героини окружающими («снаружи (…взгляд со стороны)») и ею самой («внутри (имманентная сущность) [7]»: «*Рахель сидит в шатре / прядь за прядью сплетает в косе / и под шелковой шапочкой прячет / на головке дочурки, а она – Йосеф / ведь если ты ребенка хотела / а дни твои сочтены / что, кроме обмана, поможет / волю Всевышнего изменить / малышка сидит в шатре – / рубашка пестра, как венок, – / тайну постигнеш – девчонка / а взглядом окинешь – сынок / сейчас всему миру известно / злословьем ее не порочь / наследника мужу Рахель родила / и это – ее дочь / мать волосы дочки гладит / по прядям читает ее судьбу: / из-за снов попадешь в яму / а из ямы – в чужую страну / слушает мамины речи / малышка во мгле шатра / тайны этих пророчеств / восторг пробуждают и страх / а Рахель продолжает вещать: / пострадаешь за свою красу / суждена тебе дочка тюрьма / но свободу сны принесут / много бед сулят твои сны, / в твоих снах причина удач... / дни Рахелины сочтены / тайну дочки ей не разгадать // малышка сидит в шатре / не забыть ей волшебную ночь / смотрят люди и видят – мальчик / но сокрыта в мальчике дочь*» [цит. по: 7]. Но если гендерный дискомфорт Йоны Волах и ее героинь в общем понятен, то произведение Нурит Зархи сначала внушает мысль о желании автора поиграть с библейским текстом, тем более, что подчеркнутая в Библии женственность Иосифа провоцирует на неоднозначное его восприятие. Но такая игра всегда на грани экспериментаторства и творчества и может или завести в тупик, или поставить под сомнение творческий потенциал. От этой опасности Нурит Зархи спасает написанный ею позже на эту же тему и под тем же названием рассказ, который помогает понять, что намерение писательницы значительно глубже и тема эта выстрадана ею как женщиной.

В рассказе писательница продолжает развивать тему колдовства Рахели, но уже мотивирует желание матери превратить дочь в сына: «*Многие годы жена не могла родить ему сына. Снова и снова обращалась она к врачам, колдунам и знахаркам, и вот наконец родила и теперь схитрила, представила дело так, будто младенец – мальчик*» [цит. по: 7]. Героиня Зархи, в отличие от Йонатана, осознает свою гендерную принадлежность и могла бы открыть свою тайну после смерти матери, но во враждебном ей маскулинном мире (нелюбящий отец, ненавидящие братья) *«Йосеф и сама не знает, хорошо ли, плохо ли,*

что у нее есть тайна, однако крепко хранит ее в сердце, ***ведь если б ее просто любили, не пришлось бы ей жить под чужой личиной*** *(выделено нами. – П. Ш.)»* [цит. по: 7].

Характер отношений между героями создает в рассказе свои оппозиции: а) «Я» (дочь, чувствующая нелюбовь отца) – отец, знающий тайну дочери, выдаваемой за сына; б) «Я» (сестра, «бледная Йосеф») – братья, ненавидящие брата Йосефа; в) «Я» (девочка) – «Оно» (она + он): «*Девочка привыкла бродить по дому отца, уже без матери, – одетая, как мальчик, в пестротканую рубашку. А рубашка – как Адам, когда он сам по себе, – ни мужчина, ни женщина, а возможно, мужчина и женщина вместе…*» [цит. по: 7]; г) «Я» (она) в реальном мире – Йосеф (его душа) в надмирном бытии. Последняя оппозиция условна, символична. Но она оправдывает обращение к библейским образам. Жизнь в двух мирах: реальном и мире сновидений – проецирует женскую ипостась Йосефа на фигуру легендарного героя еврейской истории, который смог не только сквозь оболочку снов увидеть реальный ход земной жизни, но и сыграть уникальную роль в судьбе своего народа.

В произведениях Йоны Волах и Зархи андрогинность представлена как следствие специфического осознания собственной идентичности, которое вызывает у героинь определенный дискомфорт. Но для современной израильской женской литературы более характерно обращение к другому канону андрогинности, в котором стремление соответствовать нормативам другого пола приводит к маскулизации / феминизации в обществе. Маскулинное поведение женщин в творчестве Орли Кастель-Блюм, Цруи Шалев, Майи Арад и др. – сознательный выбор, продиктованный стремлением к социальной адаптации. В этом стремлении, кроме закономерной борьбы современной феминистки за новый канон женского и мужского поведения, ясно просматривается то, что составляет особенность еврейской женской литературы, – попытка «своим стихом или научной книжкой перешибить железобетонный шовинизм самой Библии и многовековой комментаторской традиции» [18, 8].

В Библии и мидрашах и в постбиблейской литературе отразился привычный, в основе своей мужской, социум, где, естественно, приняты и утверждены правила поведения, созданные мужчинами и дискриминирующие женщину не только унизительными предписаниями, но и путем отстранения ее от общественных дел. Но в современной женской израильской литературе, не теряющей преемственности с библейским повествованием, представлены появившиеся и в общественной жизни новые модели поведения, которые не только не повторяют в женском обличии существующие, но и не противопоставляются мужским. Они другие. Какие? Возможно, андрогинные?

Израильская женская литература пытается создать и оправдать образ, который так напоминает мечту Сандры Бем (см. выше) и утверждает возможность практического воплощения теории андрогинности, для которой «еще не пришло время». В произведениях израильских писательниц героини в соответствии с представлениями психолога об андрогинной личности обладают одновременно и мужественными, и женственными чертами.

Оставаясь физиологически женщиной, героини в своей деятельности не разделяют мужские и женские функции или пытаются их объединить. Согласно традиционному еврейскому мировоззрению, опирающемуся на ТаНаХ, место женщины в пределах дома, в любви, продолжении рода, а не вовне и тем более на общественном поприще (см. «*Гимн женщине»* – Притчи 31:10–27). И если женщина «выходила» за четко определенное ей пространство, она заслужено (!) подвергалась насилию. Вспомним истории Дины (Дина – дочь Якова и Леи, которая вышла «посмотреть на дочерей земли Ханаанской» и которой «Шхем, сын Хамора, …учинил насилие» [Берешит (Бытие) 32:3–36]), Тамар (Тамар – дочь царя Давида, изнасилованная единокровным братом Амноном), в которых слова с корнем א.צ.י (выходить) предвосхищают сцены насилия.

Женщины в произведениях израильских писательниц тоже «выходят», чтобы утвердить свое право заниматься не только домом.

И если героини Волах и Зархи, страдающие от невозможности понять свою половую принадлежность, не могут вырваться за пределы своего сознания, женщины в произведениях Орли Кастель Блюм, Цруи Шалев, Свавион Либрехт «выходят», чтобы разрушить привычные стереотипы маскулинно / феминного поведения, но «возвращаются», чтобы остаться женщиной. В основе их действий – стремление достичь гармонии с собой и окружающим миром. Но…

У Орли Кастель Блюм женщина «выходит» за пределы дома, пытаясь решить финансовые проблемы семьи. Но профессиональный опыт и способности героини не интересуют работодателя, который действует не так грубо, как библейские герои. Вместо сцены насилия – ироничная сцена купли-продажи (естественная для патриархального мира, где женщину можно если не изнасиловать, то купить) [6, 173], которая заканчивается для мужчины неожиданно: *«Я вытащила молоток и скалку и крепко стукнула по столу»* [6, 174]. Героине остается вернуться домой и лелеять еще не утраченные способности «любить редкие мгновения близости между людьми» [6, 176]. Время андрогинного типа еще не пришло.

«Вышедшая» из повиновения (решает самостоятельно, без участия мужа организовать пристройку еще одной комнаты) и из дома героиня Савион Либрехт [8] оказывается беспомощной перед мужской агрессией: «кто-то крикнул ей с сильным арабским акцентом: «Кобеля ищешь, коспожа?»» [8, 315] и перед собственным мужем, которому не может рассказать все перипетии своего **муж**ественного (!) поступка – вопреки желанию мужа, несмотря на унижения, боль, разочарование, женщина, как и мечтала, пристраивает комнату.

В произведениях израильских писательниц, как и в современном Израиле, женщины с легкостью выполняют мужские социальные функции (даже служат в боевых войсках), но материнское чувство – главное, что не дает ей превратится в мужчину, как и героине из романа Цруи Шалев [17]. Она тоже «выходит» и не только из дома, но и за рамки приличествующего для замужней женщины-матери поведения (отказ выполнять функции хозяйки дома, нарочитая демонстрация безразличия к дочери, многочисленные любовники, даже виртуальные). Но, совершая «неприличные для женщины» поступки, она терпит фиаско, и перед нами уже трагедия матери, потерявшей дочь.

Героини Майи Арад уже живут за пределами маскулинных / феминных стереотипов. Это женщины, прошедшие армию, сделавшие карьеру, независимые и уверенные в себе. В романе «Другое место, чуждый город» после долгой разлуки встречаются бывшие армейские сослуживцы. Страдающая в прошлом от холодности, даже грубости, любимого мужчины наивная Орит в настоящем – успешная замужняя женщина с высоким социальным статусом («сделала карьеру в хай-теке» [11]), хозяйка дома и жизни. А самоуверенный бывший рядовой Джей, способный, не задумываясь о последствиях, унизить влюбленную девушку (сама пришла (!), а, может, все-таки «вышла»?), жалок в своих потугах что-то изменить в своей бессмысленной жизни.

Кажется, слабые герои-мужчины – «слабость» Майи Арад. Но в отличие от Джея, герой романа «Мастер короткого рассказа» – талантливый писатель Адам Тгар-Лев, не потерявший способности творить, любить и страдать, более чем симпатичен автору. Мягкости чистосердечного (так переводится имя Адам Тгар-Лев – «человек чистого сердца») мастера короткого рассказа противопоставлен расчетливый цинизм его молодой возлюбленной. В романе Майи Арад мужчина и женщина меняются местами. Это Он выходит в мир, где Она, Мейталь Эйнав, критикесса-феминистка выдергивает из небытия невостребованного писателя только затем, чтобы в иронично-язвительном тоне доказать логичность его невостребованности. Но самоуверенность зацикленной на собственной карьере и социальном статусе женщины не убедительна. Ущербность ее эгоцентризма усиливает рассказ-вставка «Омск», одно из поздних произведений Адама Тгар Лева. Незамужняя одинокая героиня, не имеющая возможности родить, решает усыновить ребенка, который должен скрасить ее жизнь. Но ей придется вернуться ни с чем из далекого

сибирского русского города. И причина не только в том, что ребенок, который ждал ее в Омске, болен. Для героини он нужен как доказательство силы, самостоятельности, удавшейся жизни. Эгоцентризм женщины не позволяет ей стать матерью, и она отказывается забрать ребенка. Для израильских героинь это, скорее, исключение, чем правило. Уже давно «выйдя» из стереотипа женского существования, «несостоявшаяся» мать оказывается на грани, когда отказ от женского восприятия действительности может превратится в безнравственность.

Всех героинь отличает стремление преодолеть гендерную асимметрию древней традиции, но, как только появляется желание принять не свою, равную мужской, а именно мужскую модель поведения, женская природа начинает мстить им, и они терпят фиаско. И все потому, что им до сих пор приходится «выходить». И, видимо, права С. Бем, считающая, что преодоление гендерной дихотономии, когда ни выходить, ни возвращаться уже не придется, возможно при социальном конструировании пола.

Произведения Орли Кастель Блюм, Цруи Шалев, Майи Арад репрезентуют андрогинность как адаптацию женщины к реалиям современного мира, которая призвана приравнять женщину к мужчине, восстановив справедливость древней книги, где в первой главе сотворение и мужчины, и женщины было произведено на началах равенства.

Список использованных источников

1. Аверинцев С. С. Адам Кадмон [Электронный ресурс] / С. С. Аверинцев. — Режим доступа : http://www.mifinarodov.com/a/adam-kadmon.html.
2. Бовуар С. де. Второй пол : Т. 1, 2 / С. де Бовуар ; пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. — М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997. — 832 с.
3. Гендерная психология и педагогіка : словарь-справочник / авт.-сост. С. Д. Липатова. — Екатеринбург : УГТУ—УПИ, 2008. — 226 с
4. Дорфман М. Грубый любовник Израиля [Электронный ресурс] / Михаэль Дорфман. — Ресурс доступа : http://booknik.ru/reviews/non-fiction/grubyyi-lyubovnik-izrailya/
5. Ильин Е. П. Теория андрогинности [Электронный ресурс] / Евгений Павлович Ильин // Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины : (2003 г.). — Режим доступа : http://www.vash-psiholog.info/d/137/7909-13-2-teoriya-androginnosti.html.
6. Кастель-Блюм О. Тысяча шекелей за рассказ / Орли Кастель-Блюм // Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ : антологія ; пер. с ивр. / сост. Х. Хофман. — Иерусалим, 2002. — С. 173—176.
7. Копельман З. О гендерных метаморфозах в ивритской литературе [Электронный ресурс] / Зоя Копельман // Лехаим. — Ноябрь 2011 (хешван 5772) — № 11 (235). — Режим доступа : http://www.lechaim.ru/ARHIV/235/kopelman.htm.
8. Либрехт С. Комната на крыше / Савион Либрехт // Пути ветра. Современная новелла Израиля ; пер. с ивр. ; предисл. Е. Макаровой, Г. Шакеда. — М. : Радуга, 1993. — С. 312—338.
9. Петровский И. Мужчина и женщина. Ошибка Бога или полнота счастья? [Электронный ресурс] / И. Петровский // Единое Отечество. — Режим доступа : http://www.otechestvo.org.ua/main/20108/3006.htm.
10. Платон. Пир / Платон. — М. : Мысль, 1993. — С. 98—103.
11. Римон Е. Горе от хохма [Электронный ресурс] / Елена Римон // Лехаим. — Декабрь 2009 (кислев 5770). — № 12 (212). — Режим доступа : http://www.lechaim.ru/ARHIV/212/rimon.htm.
12. Столлер Р. Дж. Влияние биологических факторов на гендерную идентичность / Роберт Дж. Столлер // Сексология / под науч. ред. Д. Н. Исаева. — СПб. : Питер, 2001. — С. 133—144.
13. Суковатая В. Гендерный анализ религий и феминистская теология: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / В. Суковатая. — Режим доступа : http://www.nuntiare.org/librory/gender_1.htm.
14. Фрейд З. Психология сексуальности / З. Фрейд. — Минск : Прамеб, 1993. — 160 с.
15. Фромм Э. Искусство любви / Э. Фромм. — Минск : ТПЦ «Полифакт», 1990. — 80 с.
16. Шаберт И. Гендер как категория новой истории литературы / И. Шаберт // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. — М. : РГГУ, 1999. — Т. 1. — С. 109—118.
17. Шалев Ц. Я танцевала, я стояла / Цруйя Шалев. — Иерусалим : Гешарим ; М. : Мосты культуры, 5761 — 2000. — 176 с.
18. Шенар А. Возлюбленные и ненавистные: женщина в еврейской литературе от Библии до наших дней // Ализа Шенар. — М. : Мосты культуры / Гешарим, 2012. — 288 с.
19. Bem S. L. The measurement of psychological androgyny / S. L. Bem // Journal of Consulting and Clinical Psychology. — 1974. — № 42 (2). — P. 155—162.
20. Kinsey A. C. Sexual Behavior in the Human Male [Электронный ресурс] / A. C. Kinsey, W. B. Pomeroy, C. E. Martin. — Bloomington, IN, 1975. — Режим доступа : http://books.google.ru/books?id=pfMKrY3VvigC&printsec=frontcover&dq=Sexual+Behavior+in+the+Human+Male&hl=ru&ei=2YhKTfe6IYKCOu26tUA&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum= 1&ved=0CCkQ6AEwAA#v=onepage&q&f=false.
21. Kinsey A. C. Sexual Behavior in the Human Female [Электронный ресурс] / A. C. Kinsey, W. B. Pomeroy, C. E. Martin, P. H. Gebhard. — Bloomington, IN, 1998. — Режим доступа : http://books.google.ru/books?id=9GpBB61LV14C&printsec=frontcover&dq=Sexual+Behavior+in+the+Human+feMale&hl=ru&ei=54hKTYHcBYifOuutxAM&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=1&ved=0CCkQ6AEwAA#v=onepage& q&f=false.
22. Martin C. L. Patterns of gender development / C. L. Martin, D. N. Ruble // Annual Review of Psychology. — № 61. — С. 353—381.

POLINA SHULYK
Kamenets-Podolsky

ANDROGYNY IN ISRAELI WOMEN'S LITERATURE

The article looks at the problem of androgyny in Israeli women's literature where it is represented quite dubiously. In works by JonaVolah and Nurit Zarhi the androgenic behavior of female characters is explained by the desire for social adaptation as well as by an attempt to understand the inner non-acceptance of their gender and even physiological identity. The works by Orly Castel-Bloom, Zeruya Shalev, Maya Arad, and Savion Librecht give another pattern of androgyny in which the tendency to suit the standards of the opposite sex results in social masculinization/ feminization. In their works women's masculine behavior is a conscious choice appealing for the change of their low social status rooted in Biblical and Talmudistic texts.

Key words: Bible, women's literature, androgyny, gender, social status, behavior patterns, social adaptation.

ПОЛІНА ШУЛИК
м. Кам'янець-Подільський

ФЕНОМЕН АНДРОГІННОСТІ В ІЗРАЇЛЬСЬКІЙ ЖІНОЧІЙ ЛІТЕРАТУРІ

У статті досліджується проблема андрогінності в ізраїльській жіночій літературі, де студійований феномен презентований неоднозначно. У творах Йони Волах і Нурит Зархі андрогінна поведінка героїнь зумовлена як прагненням до соціальної адаптації, так і спробою осмислити внутрішнє неприйняття свого ґендерного й навіть фізіологічного визначення. Творчість Орлі Кастель-Блюм, Цруї Шалев, Майї Арад, Савіон Лібрехт становить інший канон андрогінності, в якому прагнення відповідати нормативам іншої статі призводить до маскулізації / фемінізації в суспільстві. Маскулінна поведінка жінок у творах цих мисткинь – свідомий вибір, покликаний змінити низький статус жінки, що закладений традицією в біблійних і талмудичних текстах.

Ключові слова: Біблія, жіноча література, андрогінність, ґендер, соціальний статус, моделі поведінки, соціальна адаптація.

Стаття надійшла до редколегії 03.11.2016

УДК 821.161.2.091

ЗІНАЇДА ШУМЕЙКО
м. Чернігів
zina1906@ukr.net

ТВОРЧА СПАДЩИНА МАТВІЯ НОМИСА В КОНТЕКСТІ УКРАЇНСЬКОГО ЛІТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕСУ XIX СТОЛІТТЯ

У статті досліджено літературну спадщину українського етнографа, фольклориста, мовознавця, письменника, громадського діяча Матвія Номиса в контексті розвитку вітчизняного літературного процесу XIX століття. Автор зазначає, що творчість персоналії розвивалася в руслі загальних мистецьких тенденцій доби, у взаємодії з провідними представниками суспільно-політичного руху. Художньо-ідейний аналіз художніх творів митця дав змогу автору дійти висновку щодо приналежності Матвія Номиса до когорти письменників-романтиків.

Ключові слова: романтизм, літературний твір, оповідання, письменник.

Сучасність українського народу глибоко вкорінена в історію формування етносу, його матеріальну й духовну культуру. Саме тому на сучасному етапі державотворення, в умовах національного та духовного відродження, ми маємо звертатися до морально-етичних, філософських, наукових, соціальних ідей та принципів, на які спиралися у своєму поступі провідні діячі української науки й культури. Особливо це стосується персоналій, життєвий шлях і творча спадщина яких упродовж тривалого часу перебували поза увагою дослідників чи висвіт-